

zkušenosti autoři analyzují některé z jeho předností a nedostatků týkajících se jmenovitě zahraniční bulharistiky, což jsou informace, k nimž se bulharský čtenář, a to ani specialisté filologové, nedostávají příliš často.

Autoři ve svých textech nepředkládají hotová tvrzení nebo řešení problémů, s nimiž čtenáře seznamují. Kniha, jež si nečiní nároky na úplnost rozpracování všech zachycených nebo jen načrtnutých otázek, nepřináší pouze fakta zajímavá pro každého filologa-bulharistu i slavistu, ale je také hluboce osobní – obsahuje sdílenou zkušenost vyučujících, obrozenců ducha, naplněných touhou, silou a motivací pokračovat v práci na poli filologie.

Borislav Borisov

Пособие по исторической грамматике русского языка

НЕСТЕРОВА, Н. А.: *Историческая грамматика русского языка*. Учебное пособие. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, 2012. 178 с. ISBN 978-5-8156-0392-9.

Историко-филологические дисциплины способствуют формированию у студентов исторического подхода к явлениям языка. Центральной дисциплиной является историческая грамматика. Ее основная цель — представить целостную картину изменений различных уровней системы языка на протяжении длительных периодов его развития.

Автором данного учебного пособия является Наталья Анатольевна Нестерова, сотрудник Мордовского государственного педагогического института в Саранске. Пособие состоит из двух частей — теоретической и практической.

Первая часть включает теоретический материал по основным темам курса. В рамках вводных изложений дается определение исторической грамматики как науки и обращается внимание на основные источники и методы изучения истории русского языка. Автор пытается создать периодизацию истории русского языка; выделяет пять периодов, причем к пятому и последнему периоду относит эпоху с XIX в. до наших дней. По нашему мнению, следовало бы последний период разбить еще на несколько этапов в зависимости от происшедших общественно-политических перемен, которые повлияли на развитие языка. Вводные замечания завершены обзором трудов ученых, занимающихся вопросами изучения исторической грамматики русского языка.

Звуковая система древнерусского языка характеризовалась двумя основными законами — законом открытого слога и законом слогового сингармонизма. Оба

закона возникли еще в дописьменную эпоху и просуществовали до процесса падения редуцированных. Важным фонетическим изменением того времени было вторичное смягчение полумягких согласных; этот процесс привел к увеличению количества мягких согласных. Увеличение состава согласных фонем, развитие фонологических противопоставлений твердых//мягких согласных повлекли за собой усиление фонематической роли консонантной системы в русском языке. Звуки *и, ы*, до сих пор самостоятельные фонемы, стали теперь позиционными вариантами. В рецензируемом учебном пособии излагается, как в звуковой системе древнерусского языка отразились фонетические процессы дописьменной праславянской эпохи (существование носовых гласных и их утрата, развитие т. наз. первого полногласия, судьба праславянских сочетаний гласных с плавными в начале слова, палатализация заднеязычных, изменение согласных перед йотом, развитие т. наз. эпентетического *л*). Важный процесс, который произошел в фонологической системе древнерусского языка, это процесс падения редуцированных, который произошел на всей славянской территории. Автор настоящего пособия относит это к XII в. и приводит следующие следствия. Как известно, падение еров произошло в силу системных причин, которые в пособии, к сожалению, не объясняются.

В эпоху после падения редуцированных развились фонетические процессы, как в XIII–XV вв. депалатализация *e > 'o* (фонемы *e, o* стали теперь самостоятельными фонемами, до того времени они были только позиционными вариантами), фонема *ь* в XVIII в. совпала с фонемой *e*, с XII в. началось превращение сочетаний *гы, кы, хы > ги, ки, хи* (причина, видимо, артикуляционная), шипящие *ж, ш, ч* и свистящий *ц*, исконно мягкие, превратились за исключением *ч* в твердые (*ж, ш* в середине XIV в., *ц* в начале (XVI в.)). С середины XIV в. засвидетельствовано в письменных памятниках аканье, которое отчасти отразилось в графике. Вопрос о причинах его возникновения до сих пор не получил однозначного научного решения. Ясно то, что оно возникло как результат редукции безударных гласных. В связи с описанием последнего процесса следовало бы коснуться проблематики утраты количества в начальной стадии древнерусского языка. Утрата количества, по нашему мнению, стала причиной того, что безударные гласные стали редуцироваться.

Целью исторической морфологии является выявить основные процессы, действующие в истории морфологического строя языка от древнейших времен до современного состояния. В древнерусском языке различаются в основном известные и в современном русском языке части речи, характеризующиеся присущими им грамматическими категориями. Части речи несколько отличались от современного состояния. Четко противопоставлялись имена и глагол. В составе имен выделялись существительные, прилагательные

и местоимения. Противопоставление существительных и прилагательных было менее отчетливым, поскольку краткие прилагательные склонялись как существительные, Противопоставление кратких × полных прилагательных было связано с категорией определенности//неопределенности. Полные формы не могли выступать в функции предиката, краткие формы были и предикатом, и атрибутом. Местоимения образовали в исходной системе две большие группы: 1) личные местоимения 1-го и 2-го лица + возвратное местоимение, 2) неличные местоимения (указательные, притяжательные, вопросительные, относительные, определительные, неопределенные, отрицательные). Личное местоимение 3-го лица по происхождению является указательным. По мнению автора пособия, для древнерусской эпохи его правильнее включить в неличные местоимения. В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица оно обладает категорией рода и изменяется по родам (ср.: *он–она–оно*). Что касается числительных, то хотя обозначение чисел в древнерусском языке существовало, но в особую грамматическую категорию эти слова как часть речи не оформлялись. Они включались или в разряд существительных, или в разряд прилагательных, хотя и рассматривались особо. Их оформление как самостоятельной части речи завершилось к XIV–XV вв. В настоящем пособии они рассматриваются в особом разделе под заглавием «История слов, обозначающих число». Глагол представлен спрягаемыми и неспрягаемыми формами. Исходная система была близка к системе глагола других славянских языков, особенно церковнославянского (автор употребляет термин «старославянского»). Эта система характеризовалась целым рядом категорий, которые есть и в современном языке, однако их значение и формы в древности были иными. Все глагольные формы делились на простые и сложные. В данном разделе анализируется их история и проходившие изменения. Самостоятельно толкуются именные формы глагола — причастия (их краткие формы действительного залога настоящего и прошедшего времени с XIV в. стали развиваться в деепричастия), инфинитив и супин; как известно, инфинитив и супин являются по происхождению не глагольными, а именными формами. Супин выступал после глаголов движения. Уже с XI в. стал вытесняться из языка и заменяться инфинитивом, к XIV в. был почти полностью вытеснен. Современные формы инфинитива, восходящие к прежнему супину, выполняют в предложении роль обстоятельства цели.

Что касается наречий, представляющих собой застывшие предложные и беспредложные формы имен, и менее развитых в то время служебных частей речи, они в настоящем учебном пособии не разбираются.

На протяжении истории русского языка происходило развитие его синтаксического строя, утрата одних элементов и возникновение других. Процессы развития синтаксиса затронули простое и сложное предложение, способы

выражения главных и второстепенных членов предложения и т. д. В разделе, посвященном синтаксису, анализируются способы выражения подлежащего и сказуемого в древнерусском языке. В древнерусском языке встречались конструкции с двойными косвенными падежами — с двойным родительным (ср.: *не даша его жива*), дательным (ср.: *дать имъ область чадомъ божемъ быти*), винительным (ср.: *постави Мефодия епископа*). Одна форма обозначала прямой объект, вторая находилась в предикативном употреблении; на ее месте стал в последствии употребляться творительный предикативный. Одной из особенностей древнерусского синтаксиса, заимствованной из церковнославянского языка, была конструкция «дательный самостоятельный», служивший конденсации сложного предложения — дательный падеж имени и дательный падеж действительного причастия (ср.: *Князю помогающу, все идет на ладъ*). После XVIII в. эта конструкция вышла из употребления, так как она не была свойственна живому языку. Следуют изложения, в которых автор объясняет, как в древнерусском языке выражались притяжательность и отрицание; в сопоставлении с современным языком здесь можно наблюдать различия. Древнерусский язык характеризовался развитой системой беспредложного управления в сочетании с родительным, дательным, винительным и местным падежами (ср.: *и ста князь не дошедъ града; приде Святополкъ Киеву; азъ утро пошлю по вы; престапи ся Новгородъ*). Данные конструкции постепенно изменились в предложные сочетания.

В древнерусском языке объединение предложений в структуре сложного предложения осуществлялось посредством союзов (существовало, конечно, и бессоюзие). Развитие сложных предложений шло по линии упорядочения семантики союзов, по линии закрепления их в определенном значении и утраты ими многозначности. С другой стороны, шел и процесс отбора союзов — утрата некоторых из них и возникновение новых.

В первой, теоретической части после каждого тематического раздела приведены вопросы и задания для самопроверки, помогающие активизировать самостоятельную работу учащихся. Представлены также вопросы к экзамену, глоссарий, перечень основной, дополнительной литературы и Интернет-источников.

Во второй, практической части приведены контрольно-измерительные материалы по всем разделам, а также методические рекомендации к выполнению итоговой контрольной работы по исторической грамматике русского языка и образец ее выполнения.

Настоящее учебное пособие представляет собой сжатый (скорее информативный) обзор исторического развития грамматического строя русского языка. Как указано в предисловии, оно адресовано студентам-русистам очной

и заочной форм обучения, учащимся на филологическом факультете, а также аспирантам, преподавателям-филологам. Оно может быть использовано как на занятиях, так и для самостоятельной работы студентов.

Алеи Бранднер

Olomoucká kolektivní monografie o lingvistickém synkretismu

VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol.: *Теоретические и прикладные аспекты лингвистической синкретологии*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 2015. ISBN 978-80-244-4867-1.

Kolektivní monografie *Теоретические и прикладные аспекты лингвистической синкретологии* vznikla v rámci výzkumného grantu „Synkretismus v ruštině v komparaci s vybranými slovanskými jazyky“ získaného hlavním řešitelem projektu **PhDr. Ladislavem Vobořilem, Ph.D.**, volně navazuje na tematicky podobně zaměřenou monografii z roku 2014. Vedle L. Vobořila se na práci podílel zejména kolektiv mladých lingvistů z katedry slavistiky Univerzity Palackého, ale také respektovaní představitelé české a ruské lingvistiky. Rusky psanou publikaci vydala Univerzita Palackého v Olomouci v roce 2015, k dostání je v tištěné podobě ve specializovaných knihkupectvích.

Monografie představuje jistý dialog generací, neboť zde poprvé vyzkoušeli své síly mladí lingvisté s čerstvě ukončeným magisterským vzděláním stojící na prahu své akademické kariéry (V. Slovák, P. Varga, K. Neumannová, O. Cagašová, M. Brandejsová), ale přispěly do ní také renomované osobnosti ruské a české lingvistiky: v oblasti syntaxe **H. Flídrová** z Katedry slavistiky Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci; **J. Kesner** z Katedry ruského jazyka a literatury Pedagogické fakulty v Hradci Králové; **I. J. Graněvová** působící na Státní univerzitě v Nižním Novgorodu; **M. V. Pimenovová** z Vladimírské státní pedagogické univerzity; **S. A. Rylov** ze Státní univerzity v Nižním Novgorodu. O největší penzum textu se postaral hlavní autor monografie **L. Vobořil**, odborník rovněž z olomouckého slavistického pracoviště.

Autoři si v práci kladou za cíl popsat prameny, podstatu, charakter a vnitřní logiku existence a vývoje **lingvistického synkretismu**. Rovněž je patrná jejich ambice postavit základy lingvistického synkretismu a lingvistické synkretologie jako samostatného směru v současné jazykovědě a jako specifického vědecko-výzkumného paradigmatu. Kolektivní monografie vznikla na průsečíku ruské a české lingvistické